

АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. С. ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ТАШКЕНТ

1951

Т У Р Д Ы
ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

1 9 5 1

ПЕРЕВОД Н. ГРЕБНЕВА

Т У Р Д Ы

Богатейшая узбекская литература, устная и письменная, стала по-настоящему изучаться только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В узбекской литературе XVII в. можно проследить два направления: феодальное, воплощавшее в себе идеологию господствующих классов, и народное, выражавшее идеологию, настроения трудовых масс. В устном творчестве чаяния угнетенного в прошлом народа нашли свое яркое и полное отражение. В письменной литературе они отразились в творчестве некоторых прогрессивных узбекских поэтов. К их числу относится и Турды.

Сведения о личности и творчестве Турды крайне скудны. Найденная в 1924 году рукопись, ныне хранящаяся в Институте востоковедения Академии Наук Узбекской ССР, содержит лишь 17 его стихотворений (немного больше 400 строк). Два из них написаны по-таджикски.

Изучение биографии Турды затруднено тем, что ни один из его современников не говорит о нем ни слова. Отдельные моменты биографии поэта уда-лось установить только по его стихам.

Поэт Турды (псевдоним—Фараги) жил и творил во второй половине XVII века, в эпоху усиления феодальной раздробленности Мавераннахра. Он происходил из племени Юз и некоторое время был одним из влиятельных людей этого племени.

В период правления Субханкули-хана происхо-дят одно за другим три народных восстания (в 1680, 1685 и в 1694 гг.) против тирании ханской власти и бесчеловечной феодальной эксплуатации. Восстания на первых порах возглавляла родовая знать, но по мере роста и развития движения она, как обычно, изменяла восстаниям и предавала восставших.

В 1680-1681 гг. на сторону восставших становит-ся и Турды. К этому времени относятся его, полные сарказма, стихи, направленные против хана. После упорной борьбы восставшие обращаются за помощью к правителю Ходжента, Уратюбе и Джизака—Рахим-бию из племени Юз. Турды обратился к нему со сти-хами, призывавшими его к борьбе против Субханку-ли, но Рахим-бий не отважился на военное выступле-ние. В битве под Самаркандом восставшие были раз-биты, и Турды вернулся в Джизак, вверившись за-щите сына Рахим-бия—феодала Акбута-бия. Послед-ние годы жизни поэт провел в тяжелых условиях, —в

одиночестве, нищете и унижении. Умер он, по всей вероятности, около 1699—1700 года.

Турды является одним из видных представителей узбекской поэзии, порвавших с придворной литературой.

Большинство стихотворений Турды носит резко обличительный характер и представляет собой острую сатиру, направленную против Субханкули-хана и изобличающую социальные язвы (по выражению поэта, «новшества хана»). Эти произведения Турды созданы в период, когда он выступал с восставшими против Субханкули. Они составляют больше половины известного нам литературного наследства Турды. Среди них наиболее социально и художественно значимыми являются так называемые «Мухамасы» («Пятистишия»).

В период правления Субханкули-хана в Бухарском ханстве усилилось сепаратистское движение феодалов и родовой знати. Страна переживала острый экономический и политический кризис. Для подавления мятежа феодалов требовались большие средства. Растущее обнищание страны вело к ослаблению ханства. Чтобы разрядить напряженное положение и пополнить казну, Субханкули принял ряд мер, в частности за назначение на должность и за повышение в чине взимались деньги. В связи с этим гнёт, взяточничество, произвол высших и низших чиновников и незаконные поборы приняли невиданные

размеры. Налоги с населения взимались за семь лет вперед. Этот гнет, эксплуатация трудовых масс и непрерывные войны привели к тому, что страна все больше приходила в упадок, нищета и разорение трудового народа росли, производительные силы истощались.

Все это нашло свое отражение в творчестве поэта. В мухаммасае «Печален и тернист и труден путь земной» он с глубоким возмущением осуждает усиление гнета и притеснений в стране, которой правит Субханкули и его приспешники. Он с возмущением говорит о беках и о богачах:

Все блага богачам: и власть им и почет.
До коих пор еще терпеть нам этот гнет.
Потоком льется пот, потоком кровь течет,
И пьет людскую кровь жестоких беков сброд.

Историк XVII века Мухаммед Шариф Малихо Самаркандский, современник Турды, в своей «Антологии» всецело подтверждает нетерпимое положение при дворе Субханкули. Он пишет: «С того момента, как Субханкули воссел на престол, дал свободу действиям чиновников, люди ради достижения почета и крупных должностей давали эмирам и приближенным хана большие суммы в виде взяток. Необходимость давать взятки приводила к тому, что люди брали в долг под проценты, чтобы приобрести должность. Но не долго длилось благополучие, ибо другой

тоже давал взятку и овладевал той же должностью, а разорившийся неудачник на всю жизнь попадал в кабалу кредитора...»

Принявшие неслыханные размеры налоги и поборы с населения и взяточничество стали бичом для народа. Турды, изобличая носителей этого зла, обвиняя ханскую клику, говорит о ней: «...раскрывшая пасть, как дракон, чтоб поглощать поборы и взятки». Он гневно осуждает подлые «новшества» хана—чрезмерные налоги, поборы, взяточничество:

Побором, воровством и тысячами бед
Он разорил страну, затмил в ней солнца свет.
Есть деньги или нет, одет ты иль раздет,
Плати ему налог вперед за много лет.

Турды вскрывает лицемерие, ханжество, показное благополучие духовенства, шейхов, ходжей. Он беспощаден и к бекам—представителям феодальной и родовой знати, которые обогащались за счет обнищания трудового народа:

Бедняк и гол и бос,—от стужи хоть пляши,
На голове его ни волоска, ни вши.
Все взяли с бедняка вельможи-торгаши,
Все, кроме ран и слез, да разве что—души.
Идет бедняк—свистит плеть за его спиной.

По выражению Турды, «слепые, оглохшие беки родины не имеют, для них страна—рабат (место ночлега), а сами они в ней постояльцы».

Разоблачая в своих стихах злодеяния придворных, феодальной знати, Турды находится всецело на стороне народа, защищает его интересы резкой критикой правящей верхушки и ярко обрисовывает нищенское положение разоренного войнами и налогами населения. Он открыто говорит, что народу живется очень тяжело, что у него насильно захватывают имущество и подвергают неслыханным мучениям.

Тяжелое положение народа в Мавераннахре в период упадка и распада феодализма подтверждает историк Мухаммед Шариф Малихо. Он сообщает: «Субханкули-хан во всех подвластных ему местностях, особенно в Самарканде, каждый год непременно взимал семигодные налоги (вперед). Если с кого-нибудь причиталась одна теньга, с него взыскивали семь. В семьдесят раз возросли расходы на содержание чиновников, канцелярии и арбовов (старост). С частных земель взыскивали такой поземельный налог, что владельцы отдавали эту землю даром, но никто не брал».

Горькая участь сельского и городского населения, доведенного до крайнего обнищания, усугублявшегося голодом, часто охватывавшим целые районы и области, тревожит поэта. Он восстает против антинародных «новшеств» хана, против сбора с населения ежегодных податей деньгами и натурой по «баратам» (особым документам на право досрочного сбора с населения податей, выдававшимся ханами) в семикрат-

ном размере. Турды называет это «тиранией» и призывает к низвержению хана и его своры.

Характерен и призыв Турды к объединению узбекских племен против ханской власти. Он пишет:

... Хоть народ наш разобщен,
Но ведь это все узбеки девяноста двух племен.
Называемся мы разно,—кровь у всех у нас одна—
Мы один народ и должен быть у нас один закон.
Полы, рукава и ворот—это все один халат:
Так един народ узбекский, да пребудет в мире он...
Беки, прекратите распри, в них не ваша льется кровь.
Вместо ран на вас румяна, беки, облик ваш смешон.

Отсюда можно предполагать, что Турды, призывая к объединению страны и племен, поднялся намного выше своих соплеменников. Он выступает как враг феодально-племенных междоусобиц, раздоров и войн.

Позднее в творчестве Турды, разуверившегося в возможности низвержения Субханкули-хана, начинают проскальзывать мотивы разочарования. Наряду с разоблачением пороков двора в стихах отражаются личные переживания, жалобы поэта на свою судьбу. Однако личные несчастья и страдания не сломили волю Турды. Он сохраняет уверенность в себе, в своих силах и в том, что народ слышит его голос. Он пишет о себе следующие строки:

Лишь капля ты, но состоит из капель океан, Турды,
В пучину волн унес тебя событий ураган, Турды...

И все же ты не одинок: народ твой смотрит на тебя,
И светит взор его тебе сквозь ночь и сквозь туман,
Турды.

Таковы жизнь и творчество Турды.

Главное место в его творчестве занимают обличения хана, его сановников и лицемерного духовенства. Это представляет собой новое явление в узбекской литературе второй половины XVII века. Окончательно порвав с придворно-феодальной литературой, Турды внес в поэзию мотивы гражданственности и критического отношения к окружающей действительности. Однако критика распадающегося феодального общества не была у Турды глубокой, и больше выражала презрение к правящей верхушке—к хану и его клике. Причину бедствий народа, злоупотреблений власть имущих и разрухи в стране он искал не в самой системе феодализма, а в личных дурных качествах хана, правителей и беков. Ввиду незрелости социально-политических представлений, он не мог поставить в XVII веке вопросов о коренных изменениях общественной жизни.

Но то новое, что ввел Турды в узбекскую литературу, имело большое значение для его времени. Обогадив родную литературу жизненными, реальными образами, показав пороки господствующих классов, он продолжил обличительно-критическое направление, намеченное еще великим Навои (1441—1501). Это направление, благодаря ему, увязывается с творче-

ством поэтов-сатириков первой четверти XIX века Гульхани и Махмура, и поднимается на более высокую ступень в произведениях крупного поэта-сатирика и лирика конца XIX и начала XX вв.—Мухаммед Амина Муками (1851—1903). Таким образом, Турды своей обличительной поэзией, бичующей придворно-феодалную действительность, оказал большое влияние на поэтов последующих веков.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции советское литературоведение могло дать подобающее место в истории узбекской литературы творчеству замечательного поэта Турды.

Х. Якубов

Кто вспомнит обо мне? А были времена,—
Глава гуляк—друзей поил я допьяна.
О, где ты, прошлое, о, где ты, старина?
В той чаше, что вина была полным полна,
Засохшей гущи муть на дне теперь видна.

Аллаху мало я принес своих даров,—
Земли подсыпать он велел в мой постный плов.
Я—нищий, и кричать и плакать я готов...
Но тщетно. В чьей груди мой отзовется зов?
Один я. Из друзей со мной печаль одна.

Читал молитвы я—они не помогли.
От горла моего петли не отвели.
Мне здесь подошвы жжет песок чужой земли,
Нет у меня друзей от родины вдали.
Ценили все меня, теперь мне грош цена!

В стране чужой ничьих не вижу я забот.
В печали день придет, в печали день уйдет.
Снует вокруг меня недружелюбный сброд,
Знакомый встретится—и в сторону свернет,
Я ветошь жалкая, что в яму сметена.

Я с новым не иду, от старого отстав,
Я плачу, как дитя, от слез своих устав.
Я—стертая теньга—и тот наверно прав,
Кто бросил вновь ее, едва с земли подняв.
Я—старый меч, чья сталь для дела не годна.

Ценнее жизни что? Но жизнь я промотал—
На пустяки ее, на мелочь разменял.
За собственный я грех, иль за чужой страдал?
Глумление царей за ласку принимал.
Болит моя душа, изранена она.

С немногими делил я почести и власть.
На свадьбах, на пирах я попил меду всласть.
Кто сможет мне вернуть от прошлого хоть часть?
Нет, было суждено в ничтожество мне впасть!
Моя одежда—рвань, еда моя—скудна.

Чинило небо мне обиды без числа—
И каждая в меня вонзалась, как игла.
Страдал от жажды я,—вблизи вода текла,
Но это был мираж, иж ажда снова жгла.
Я—треснувший кувшин, не помнящий вина,

Нет места гордости там, где живет нужда.
От гордости моей ни тени, ни следа.
Теперь на просьбу мне не отвечают: «Да!»
И ум, и честь, и жизнь — все унесли года,
И сам я только пыль, а пыль — кому нужна?

Я имя потерял и облик свой былой,
Разбита грудь моя, я весь едва живой,
Мне не помочь уже ни мазью, ни травой.
Нацелились в меня отравленной стрелой,
Она — стрела беды — меня пронзить должна.

Тебя, аллах, молю я только об одном
(Пока есть ты, кого ж еще просить о том?)
Не презирай меня, как торгаша вином.
Я раб, но не хочу я больше быть рабом.
Я немощен и стар — и жизнь моя трудна!

Все горести людей аллах собрал в одно
И отдал мне. Ну, что ж? Коль так предрешено,
Я не ропщу. О нет! Зачем? Роптать грешно,
Пусть в доме нет огня — луна глядит в окно.
А сердце греет дом — оно раскалено.

Не создал бог Турды из глины и воды,
А создал бог Турды из горя и беды.
Он подарил печаль за все мои труды,
И старый дом, куда ведут невзгод следы,
А в доме все добро разграблено давно.

На скакуне судьбы скакал я без седла.
Закрыв глаза на миг, открыл, — а жизнь прошла.
Я цели не достиг. Вокруг сгустилась мгла,
А цель — она вдали высокая скала.
Дойти мне до нее уже не суждено.

Чего же я достиг? Давно я бос и гол.
И спутника в своей дороге не обрел.
Когда однажды я к друзьям на пир пришел,
Сказали мне: «Согнись, надень ярмо, как вол!»
Казалось горьким мне их сладкое вино.

Я истины искал, но полы изодрав,
Кому я доказал, что был во всем я прав.
Давно я ослабел, не поднимусь, упав,
Израженный я стал, как решето, дыряв,
И снова надо мной копьё занесено.

Моя тоска стара, как древняя гора.
Я получил ее в наследство не вчера.
О, друг, коль что-нибудь осталось от добра, —
Потрать, не оставляй богатства до утра:
Ведь кто-нибудь его растратит все равно.

Печален и тернист и труден путь земной,
Здесь никого не ждут ни радость, ни покой.
Нет правды на земле, нет верности людской,
Возвысило теперь злодейство голос свой,
И стало воровство слыть доблестью большй.

Я задыхаюсь здесь! Я сердце надорвал!
Наш бранный мир давно каким-то странным стал.
Где лев когда-то жил, теперь живет шакал,
А где орел сидел, где сокол обитал,
Теперь кричит сова, довольная собой.

В распутстве и пирах проводит время шах.
И выскочки-рабы в почете на пирах.
Богатство в их руках и власть у них в руках.
О, родина моя, тебя повергли в прах.
Невежда и подлец вершат твоей судьбой!

Не вижу честных я, не вижу мудрецов.
Теперь в чести глупец, он весел и здоров.
Сородичи мои рабы в руках рабов,
Рабы в руках двоих вельможных дураков:
Один дурак — Токмак, Идрис — дурак другой

Все блага богачам и власть им и почет.
До коих пор еще терпеть нам этот гнет?
Потоком льется пот, потоком кровь течет,
И пьет людскую кровь жестоких беков сброд.
Свобода, уничтожь их праведной рукой!

Эмир — правитель наш — невежда и дурак!
Самим им вертит плут — кровавый бек Байлак.
Какой же правде быть, когда у власти враг,
Чье прошлое темно, чье будущее — мрак?
Откуда он пришел, он здесь совсем чужой!

С правдивостью лисы и с мудростью осла,
Он носит сан чужой, он — воплощение зла.
Черно его лицо, черны его дела.
Не о таких ли встарь пословица была:
«Пройдсха даже с луж снимает жир густой!».

Побором, воровством и тысячами бед,
Он разорил страну, затмил в ней солнца свет.

Есть деньги или нет, одет ты иль раздет,
Плати ему налог вперед за много лет...
Средь подлецов-вельмож один подлец такой

Где справедливый шах? Где шах такой живет?
Скажите, я дойду до золотых ворот.
Пусть он развеет дым печалей и невзгод,
От горя и нужды освободит народ,
Чтоб мог воскликнуть я: «О, благодетель мой!»

О, беки, что для вас народ и отчий край?
Нет родины у вас, есть караван - сарай,
Куда пришли поесть вы по дороге в рай.
Ну, что же, бек пришел и в путь ушел: «Прощай!»
Но вечно будет жить народ в стране родной.

Бедняк и гол и бос, — от стужи хоть пляши,
На голове его ни волоска, ни вши —
Все взяли с бедняка вельможи-торгаши.
Все, кроме ран и слёз, да разве что — души.
Идет бедняк — свистит плеть за его спиной:

Один чиновник — вор, другой чиновник — лжец,
Один визирь — глупец, другой визирь — подлец,
Ужель такими их создать хотел творец?
О, господи, когда ж наступит им конец,
Чтоб над родной землей повеяло весной!

Вы обобрали вдов, печаль оставив им,
До срока сироту вы сделали седым, —
Да подавиться вам его куском сухим!
Волк мог бы среди вас прослыть хаджи святым
Уйти бы! Но куда, дорогою какой?

Мы смели ожидать, великий наш эмир,
Что сердце у тебя не превратится в жир:
Что ты взойдешь на трон и установишь мир,
Оденешь тех, кто наг, накормишь тех, кто сир,
Что мудрых позовешь ты управлять страной.

Но у дверей твоих нет мудрецов пока,
И на совет к себе зовешь ты дурака
С кабаньей головой и с тупостью быка.
Из честных во дворце один лишь — Хушика, —
Он был нам от врагов железною стеной.

К чему же я пришел, чего же я достиг
Нанизываньем строк и сочиненьем книг?
Не нажил я добра, от денег я отвык...
Лишь голова моя — моих богатств тайник,
Но жалуют у нас не тех, кто с головой.

Не внемлет здесь никто моим глухим мольбам!
И я не подхожу к затворенным дверям:
Там надо взятку дать, я—нищий, что я дам?
Там странники стоят, сидят вельможи там,
Лишь думая о том, как рот набить едой.

Взять деньги с бедняка всегда вельможа рад,
А денег нет — снимай рубаху иль халат.
Твои мольбы, бедняк, его не укротят.
Теперь мздоимцев тьма, они везде сидят.
Я беден — и для них я лишь помет сухой.

Эмир наш говорит, не ведая забот:
«Пусть грянет с неба гром, — дворца надежен свод.
И если даже вновь потоп весь мир зальет,
Дворец высок — вода за стены не пройдет!»
Пируют во дворце вельможи день-деньской.

Сидят они вверху и держат свой совет,
А как живут внизу — им вовсе дела нет.
Не слышат слов они, лишь слышат звон монет.
Они нас довели до величайших бед,
О каре позабыв — небесной и земной.

О, друг мой, ничего для близких не жалей.
Будь дальше от дворцов, уйди от них скорей.
Съешь черствый честный хлеб, водой его запей,
А если дети есть, то научи детей
Есть черствый черный хлеб, но честный — трудовой.

Хоть будь царем царей, хоть всей землей владей,
Ты все равно уйдешь в сажень земли своей.
И за спиной царей и за спиной моей
Стоит на страже смерть и говорит: «Скорей»!
Жизнь коротка, а цель за дальнею горой.

Пройди же весь свой путь, и власти не желай,
Награбленных богатств и части не желай,
Неправедных людей участия не желай,
Но другу от души ты счастья пожелай.
Угрюм наш древний мир, в нем не живет покой!

Где же ваша совесть, беки: хоть народ наш разобщен
Но ведь это все узбеки девяноста двух племен.

Называемся мы разны, — кровь у всех у нас одна —
Мы один народ, и должен быть у нас один закон.

Полы, рукава и ворот — это все — один халат.
Так один народ узбекский, да пребудет в мире он.

Беки, вы не превышайте вашей власти над людьми,
Мы хотим, чтоб наши судьбы не решал оружия звон.

Прекратите ваши распри, в них не ваша льется кровь.
Вместо ран на вас румяна, беки, облик ваш смешон!

Черной злобой обуянно это царство!
Место гнета и обмана — это царство.

Здесь правителей не сыщешь справедливых
Не ведите каравана в это царство.

Здесь правители коварны и жестоки,
Радость — только для шайтана это царство.

В черном царстве этом радости уснули.
Только горе неустанно в этом царстве.

Не ищите здесь приюта иль покоя, —
Злого Субханкули-хана это царство.

Язык сгорит, пересказав частицу горестей моих.
Сгорит перо, когда оно захочет написать о них.

Когда бы птицею была моя печаль, моя тоска,
Закрыла б солнце и луну она размахом крыл своих.

Я тысячу ночей не сплю, но все рассвета не дождусь.
Черна, как ночь, моя судьба. Увы, нерадостен мой
стих.

Всмотришь: в жемчужине любой видна игра воды,
Пылинка — тоже солнца часть, — не забывай, Турды.

Все эти истины познав, вступил я в бренный мир —
И, если б друга я нашел, не знавшего беды,

Сказал бы я: «Как счастлив мир!». Но так я не сказал.
На горле всех моих друзей туга петля нужды.

Моя забота — накормить хоть чем-нибудь ко́ня.
Давно я сердце надорвал, свою судьбу кляня.

Я унижался, спину гнул пред сильными людьми,
Но что им до поэта? Сыт я не бывал и дня.

Слезами лишь питался я, пил собственную кровь...
Скажите мне, кто наделил такой судьбой меня?

Лишь капля ты, но состоит из капель океан, Турды,
В пучину волн унес тебя событий ураган, Турды.

Друзья покинули тебя, средь волн оставив одного,
Звездю счастья золотой твой путь не осиян, Турды.

И все же ты не одинок: народ твой смотрит на тебя,
И светит взор его тебе сквозь ночь и сквозь туман,
Турды.

Она мелькнула предо мной, прекрасна и стройна, -
И в царстве сердца моего разграблена казна.

Не мало юношей она сразила наповал,
Ей говорили о любви — не слышала она.

На небе вечером в тоске созвездья ждут луну —
И меркнут. Затмевает их сиянием луна.

Кочевник-бек прочтет и выучит «Мишкат»
И во время свершит положенный обряд.

Но тот же самый бек, во время грабежа
Ворвавшись в дом чужой, его ограбить рад.

На шахматной доске земного бытия
Не шаху он дает, дает он пешке мат.

Его душа грязна, но чист его халат,
Хоть ходит он в мечть, но попадет он в ад.

Кочевник-бек, что к нам идет с мечом, с огнём,
с кнутом,
Не верит ни во что, давно мы убедились в том.

Какая вера разрешит терзать свою страну,
Родную землю осквернять, бесчестить отчий дом.

Иной и в Мекку на поклон ходил, но он дикарь:
Осел откуда б ни пришел, останется ослом!

Случается, что забежит и грязный пес в мечеть,
Но разве нечистоты жрать не будет он потом?

О ЗАДЕРЖКЕ ПОЖАЛОВАННОГО
КОНЯ И НАГРАДЫ

О, благодетель мой — эмир, признаться, я не рад,
Что посулил ты мне коня и сто других наград.

От меда сладостной мечты нет меда на губах:
Еще ни самого коня не различил мой взгляд,

И пыль из-под копыт его мне не была видна,
Не слышал я, как ржет мой конь, как стремя звенят.

Быть может, этот конь Дульдуйль, Рустама быстрый
конь,
Быть может, кляча и на ней одна дорога — в ад.

За щедрость полюбились всем Хатэм и Нуширван!
О, щедрость — лучшее из свойств! О драгоценный
клад!

В хезарской крепости, эмир, ты соизволил сам
Об этом даре объявить почти что год назад.

Зачем же ты, мой властелин, напрасно обещал?
В меня ты жадность заронил, а жадность это — яд.

О, горе мне, о, мой позор! Его не скрыть теперь.
Смеются люди надо мной, дурное говорят.

Достоинств своего коня я так и не узнал.
Мой благодетель, есть дары убыточней утрат!

ТАДЖИКСКИЕ СТИХИ

(Осуждение пребывания в должности)

В ловушку я попал, сгубил я много лет.
Ждал царских милостей — стал немощен и сед.
Богатство я обрел: седины — серебр,
И золото,—лица шафранно-желтый цвет.
О, служба, о тебе так долго я мечтал!
Меня одолевал мечтаний тщетных бред, —
Теперь я постарел. Я прошлого стыжусь.
Ни тяги к должности во мне, ни веры нет.
Я глупым был, себя я «избранным» считал,
Но в яму я упал... и мне не виден свет.
Я от людей простых всегда был далеко,
Но что ж я получил от службы, кроме бед?

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Байлак — имя первого визиря Субханкули-хана, известного своей жестокостью.

Дульдуй — легендарный быстроходный конь, скакун.

Идрис, Токмак — имена чиновников.

Мишкат — религиозная книга мусульман.

Рустам — легендарный герой поэмы „Шахнаме“, богатырь.

Субханкули-хан — известный своей жестокостью хан из династии Аштарханидов, правивших в Бухаре в 1680—1730 г.

Теньга — мелкая серебряная монета.

Хаджи — паломник, посетивший Мекку.

Хатэм — букв. щедрый человек (легендарный герой, олицетворяющий щедрость).

Хушика — имя одного из военачальников узбекского рода „Юз“.

СОДЕРЖАНИЕ

Турды (Фараги) <i>Х. Якубов</i>	7
---	---

М у х а м м а с ы

Кто вспомнит обо мне	19
Все горести людей	22
Печален и тернист	24

Г а з е л и

Где же ваша совесть, беки	33
Черной злобой обуяно это царство	34
Язык сгорит	35
Всмотрись	36
Моя забота	37
Лишь капля ты	38
Она мелькнула предо мной	39
Кочевник-бек прочтет и выучит „Мишкат“	40
Кочевник-бек, что к нам идет с мечом	41
О задержке пожалованного коня и награды	42
Таджикские стихи (Осуждение пребывания в должности).	44
Пояснительный словарь	45

Ответственный редактор Л. М. Пеньковский
Художник А. К. Ошейко
Технический редактор А. Т. Шепельков

* * *

P06916. Подписано к печати 4/VIII-51 г.

Бумага $70 \times 108^{1/32} = 0,75$ бумажных
2,0 печатных листа. Уч.-издат. 2,1

Тираж 5000. Цена 2 руб.

Переплет 1 руб. 50 коп.

* *

Типография Издательства Академии Наук УзССР
Заказ 1065. Ташкент. 1951 г.

•